

12. *Махно Е. В.* Раскопки зарубинецких поселений в Киевском Приднепровье в 1950 г. // МИА. — 1959. — № 70.
13. *Максимов Е. В.* Новые зарубинецкие памятники в Среднем Приднепровье // МИА. — 1969. — № 160.
14. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура на территории УССР. — К., 1982.
15. *Максимов Е. В., Цындровская Л. А.* Итоги раскопок комплекса зарубинецкого времени близ г. Канева // АО 1975 г. — М., 1976.
16. *Максимов Е. В.* Памятники зарубинецкого типа в с. Суботове // КСИА АН УССР. — 1960. — Вып. 9.
17. *Максимов Е. В.* Взаємовідносини зарубинецьких та степових племен Подніпров'я // Археологія. — 1978. — № 28.
18. *Скиба Л. Є.* Пирогівський могильник зарубинецької культури. — К., 2001.
19. *Кубишев А. І.* Деякі підсумки дослідження Пирогівського могильника (розкопки 1966–1967 рр.) // Дослідження з слов'яно-руської археології. — К., 1976.
20. *Кубишев А. І., Скиба Л. Є.* Пирогівський могильник // Археологія. — 1989. — № 2.
21. *Степи* Европейской части СССР в скифо-сарматское время. — М., 1989.
22. *Вязьмитина М. І., Тереножкін О. І., Іллінська В. А., Ковпаненко Г. Т.* Кургани біля с. Новопилипівки і радгоспу «Аккермень» // АП УРСР. — 1960. — Т. 8.
23. *Симоненко А. В.* Новые сарматские погребения Нижнего Поднепровья // Скифы и сарматы. — К., 1977.
24. *Зайцев Ю. П., Мордвищева В. И.* Подвязыные фибулы в варварских погребениях Северного Причерноморья позднеэллинистического периода // РА. — 2003. — № 2.
25. *Кухаренко Ю. В.* К вопросу о славяно-скифских и славяно-сарматских отношениях // СА. — 1954. — Т. 19.
26. *Щукин М. Б.* Сарматские памятники Среднего Поднепровья и их соотношение с зарубинецкой культурой // АСГЭ. — 1972. — Вып. 14.
27. *Кубишев А. І., Покляцький О. В., Симоненко О. В.* Про взаємовідносини сарматів з населенням зарубинецької культури // Археологія. — 1987. — № 58.
28. *Щукин М. Б.* На рубеже эр. — СПб., 1993.
29. *Симоненко А. В.* Сарматы в Среднем Поднепровье // Древности Среднего Поднепровья. — К., 1982.
30. *Абрамова М. П.* Сарматские погребения Дона и Украины // СА. — 1961. — № 1.
31. *Седов В. В.* Славяне в древности. — М., 1994.
32. *Костенко В. И.* Сарматы Самарско-Орельского междуречья III в. до н. э. — IV в. н. э. — Днепротетровск, 1986.

33. *Вязьмитина М. И.* Сарматское время // Археология Украинской ССР. — 1986. — Т. 2.
34. *Максимов Е. В.* Зарубинецкая культура // Славяне и их соседи в конце I тыс. до н. э. — перв. пол. I тыс. н. э. — М., 1993.
35. *Этнокультурная карта территории Украинской ССР в I тыс. н. э.* — К., 1985.
36. *Кухаренко Ю. В.* Зарубинецкая культура // САИ. — 1964. — Вып. Д1–19.
37. *Амброз А. К.* Фибулы юга Европейской части СССР // САИ. — 1966. — Вып. Д1–30.
38. *Еременко В. Е.* «Кельтская вуаль» и зарубинецкая культура. — СПб., 1997.

Резюме

Любичев М. В. *Контакти сарматів та племен зарубинецької культури у вітчизняній археологічній літературі.*

В статті йде мова про вивчення контактів сарматів та племен зарубинецької культури (польові дослідження, суть та характер зарубинецько-сарматських контактів, їх час, причина загибелі зарубинецької культури, поховання в Лубнах, Великій Мануйлівці, Дяченках, Лозівку). Пам'ятки, що свідчать про ці контакти, поділяються на чотири групи: 1) підкурганні поховання із зарубинецькими, сарматськими речами і рисами поховального звичаю; 2) зарубинецькі городища зі слідами пожеж та знахідками сарматських наконечників стріл; 3) зарубинецькі поселення та могильники із знахідками сарматських речей; 4) сарматські поховання із зарубинецькими речами (фібули, кераміка).

Зарубинецько-сарматські контакти мали обмежений характер, відповідно саме цим пояснюється те, що не виникли зарубинецькі та сарматські компоненти в сарматській та зарубинецькій культурах.

А. П. Мартемьянов

КУЛЬТУРНЫЕ РАСТЕНИЯ ФРАКИЙСКИХ ЗЕМЕЛЬ в первых веках н. э.

Неотъемлемым элементом изучения экономической истории римских провинций является выяснение ассортимента тех сельскохозяйственных культур, которые возделывались на их территории. Работа в этом направлении позволяет существенно конкретизировать представление о структуре земледелия, состоянии и хозяйственной роли его основных отраслей, характере растительной пищи провинциального населения.

В данной статье предпринимается попытка определить, какие культурные растения выращивались земледельцами Фракии и Нижней

Мезии — провинций, образованных римлянами в восточной части Балканского полуострова в результате покорения на рубеже н. э. фракийских племен. О растениях, культивированных здесь в античную эпоху, писали неоднократно [1, с. 3–9; 2, с. 82–86; 3, с. 87–152; 4, с. 131–139; 5, с. 62–68 и др.], однако основное внимание при этом уделялось нарративным свидетельствам. Между тем, определение видового состава культурных растений, которые возделывались античными земледельцами, возможно только при условии комплексного анализа данных о них всех имеющихся в нашем распоряжении источников. Решение подобной задачи применительно к Нижней Мезии и Фракии осложняется тем, что в публикациях археологических материалов римского времени, открытых в восточнобалканских землях, очень редко приводятся сведения, касающиеся количественной и качественной характеристики обнаруженных растительных остатков. Правда, в последние годы их анализу уделяется повышенное внимание, о чем свидетельствует, в частности, появление специальных исследований, посвященных растительным материалам из раскопок римских городов Никополь на Истре и Абритус [6, р. 69–75; 7, р. 49–58; 8, р. 59–68 и др.]. Однако работ такого рода все еще немного. В этой ситуации, думается, следует принять во внимание то, что в первых веках н. э., во времена относительного экономического расцвета фракийских земель, ассортимент культивированных там растений вряд ли был беднее, чем в предшествующий период. Поэтому представляется правомерным привлечение с целью его выяснения, наряду с материалами первых веков н. э., некоторых свидетельств источников, относящихся к доримскому времени.

Важное место в экономике фракийских земель на протяжении всей античной эпохи отводилось возделыванию злаковых культур [9, с. 66–67].

Неоднократно упоминается античными авторами пшеница (род *Triticum*) фракийских земель. Причем, если сообщения Геродота [IV, 33], Лисия [Orat., XXXII, 6, 15], Ксенофонта [Anab., VII, I, 13], Иордана [Get., 267] позволяют лишь зафиксировать сам факт выращивания здесь этого злака, то свидетельства Феофраста и Плиния Старшего носят более конкретный характер.

Так, Феофраст, говоря об особенностях фракийской пшеницы, указывает, что зерно ее имело много покровов. Эта пшеница позднее, чем другие виды, прорастает и созревает, что, по его мнению, обусловлено особенностями холодного климата Фракии [Theophr. CP, IV, 11, 5]. Упоминает Феофраст и яровую пшеницу, выращивавшуюся в окрестностях античного города Энос в Приморской Фракии. Будучи посеянной в дни весеннего равноденствия, она за короткое время всходила и вызревала, отличаясь при этом крупными полновесными зёрнами [Theophr. CP, IV, 11, 4].

О культивируемой у Эноса пшенице, которая поспевала на сороковой день после посева, говорит и Плиний, отмечая, что сорт этот самый

тяжелый по весу из всех и не дает отрубей [Plin. NH, XVIII, 70]. Комментируя этот фрагмент «Естественной истории», И. Венедиков высказал предположение, что выведение данного сорта пшеницы следует связывать с успехами фракийского полеводства в I в. н. э. [5, с. 63], однако наличие аналогичной информации в труде Феофраста указывает на его выращивание и в более раннее время. По мнению Н. Ясны, на Эгейское побережье Фракии этот сорт попал из северных районов [10, р. 88]. Упоминает Плиний и пленчатую «фракийскую» пшеницу. Невысоко отзываясь о качестве ее зерна [Plin. NH, XVIII, 66], он, между тем, считает этот морозоустойчивый сорт чрезвычайно подходящим к природным условиям Фракии. «Жестокие морозы» и обильные снега этой страны обусловили, по мнению Плиния, и широкое распространение здесь яровой трехмесячной пшеницы, которая приносила в «холодных провинциях» наиболее высокие урожаи и никогда не кустилась [Plin. NH, XVIII, 69].

Таким образом, данные нарративных источников свидетельствуют о культивации во фракийских землях различных видов пшеницы, причем характер сообщений Феофраста и Плиния позволяет усомниться в правомерности утверждения Ф. Хайхельхайма, считавшего, что фракийцами возделывались лишь низкосортные злаки [11, Sp. 833].

Свидетельства античных авторов подтверждаются данными палеоботаники. Судя по ним, начиная с неолита и до эпохи бронзы включительно, основными злаками на востоке Балканского полуострова были пленчатые пшеницы — культурная однозернянка (*Tr. monocosmum* L.) и культурная двузернянка, или полба, эмер (*Tr. dicosmum* Schrank.) [12, с. 9–10; 13, с. 26, 36, 38, 57–58, 60; 14, 131–132]. Оба эти вида выгодно отличаются неприхотливостью, болезнеустойчивостью и приносят зерно достаточно высокого качества, но в небольшом количестве. Последнее относится, в первую очередь, к однозернянке. Очевидно, именно низкая урожайность послужила основной причиной того, что в течение I тыс. до н. э. диплоидная пленчатая пшеница уступает позиции основной злаковой культуры [12, с. 9; 13, с. 26, 35–36]. Можно предположить, что в первых веках н. э. однозернянка выращивалась преимущественно в районах с неблагоприятными для других злаков почвенно-климатическими условиями. Постепенно уменьшалась в посевах и доля двузернянки, однако этот злак был хорошо известен в античную эпоху, о чем свидетельствуют частые его упоминания в трудах древнегреческих и римских авторов. Демосфен, в частности, говорит о полбе (*olyra*), которая выращивалась во фракийских землях [Demosth. Orat., VIII, 45]. При описании различных видов пшеницы древние писатели используют большое число терминов [Plin. NH, XVIII, 81–93; 13, с. 43; 15, с. 29–30], идентификация которых с современными названиями культурных злаков часто вызывает затруднения [15, с. 29; 16, с. 244]. Поэтому не исключено, что и характеристика, которую дают Феофраст и Плиний

«фракийской пшенице» с множеством оболочек, может относиться к какой-либо разновидности полбы [3, с. 90]. В связи с этим отметим также, что до последнего времени на территории восточнобалканских земель практически не обнаружено следов пленчатых пшениц, кроме одно- и двузернянки. находку на поселении IV тыс. до н. э. у с. Овчарово Тырговиштской общины¹ единственной зерновки *Tr. spelta* L. и отпечатков ее колосков на глине в слоях раннебронзовой эпохи этого же памятника [13, с. 57, 74] специалисты рекомендуют пока не принимать во внимание ввиду ее исключительности [12, с.12].

Находки обгорелых зерен пшеницы при раскопках археологических объектов конца I тыс. до н. э. – начала I тыс. н. э. [17, с. 186; 18, с. 117; 19, р. 89 и др.] свидетельствуют о том, что в это время она была распространена во фракийских землях очень широко, причем в первых веках н. э., как и во многих других районах Европы [20, S. 76, 78, 81], на территории Нижней Мезии и Фракии основное место в посевах занимали уже голозерные гексаплоидные виды – *Tr. aestivum* L. = *Tr. vulgare* Vill., *Tr. compactum* Host., *Tr. aestivo – compactum* Schiem. [6, р. 71–73; 7, р. 50–52; 8, р. 59–61, 63–64; 12, с. 39, 51–52, 70–71].

О культивации фракийцами еще одного злака, очень широко распространенного в античном мире, – ячменя (род *Hordeum*), говорят Ксенофонт [Anab., VII, I, 13; VII, I, 37] и, вероятно, Диодор [XX, 96]. У Феофраста [De odor., II, 4] и Псевдоаристотеля [De mirab. auscult., 116] речь идет о ячмене, произраставшем в бассейне реки Стримон, на территории, заселенной фракийскими племенами синтов и медов. Ячмень этот обладал специфическим запахом, поэтому животные его не ели, но люди готовили из него хлеб. Афиней упоминает алкогольный напиток, который фракийцы делали из ячменя [Athen., X, 447].

На территории, которую в первых веках н. э. занимали Нижняя Мезия и Фракия, ячмень известен с эпохи неолита [12, с. 12–13]. С тех пор до I тыс. до н. э., по данным палеоботанических исследований, здесь доминировали его пленчатые и голозерные многорядные формы (*H. vulgare* L., *H. vulgare* L. *polystichum*, *H. vulgare* ssp. *nudum* L. = *H. vulgare* L. var. *nudum*) [12, с. 58–60]. Наряду с ними, культивировали шестирядный ячмень (*H. hexastichum* L.) [12, с. 31, 34; 14, с. 131–132; 21, с. 47; 22, р. 153–155], кое-где, видимо, четырех- и двурядный, но находки зерен этих видов единичны [12, с. 42, 47]. В первых веках н. э., по крайней мере, судя по материалам из раскопок Абритуса и Никополя на Истре, во фракийских землях отдавали предпочтение многорядному ячменю [6, р. 71–73; 7, р. 50–52; 8, р. 59–61, 63–64].

Широкое распространение ячменей объясняется их способностью приносить стабильные урожаи на различных почвах, довольно высокой

¹ Упоминаемые в тексте современные населенные пункты находятся на территории Болгарии.

засухоустойчивостью. По мнению специалистов, характерной чертой полеводства Балканского полуострова, в особенности его восточных районов, является то, что здесь, в отличие от большинства других земледельческих центров древности, отдельные посевы пшеницы и ячменя практиковались с очень раннего времени [12, с. 13].

На возделывание во фракийских землях в античное время проса (род *Panicum*) указывают Демосфен [Orat., VIII, 45], Ксенофонт [Anab., VII, 5, 12] и Афиней [IV, 131]. Так, в сочинении Ксенофонта упоминается страна фракийцев-мелинофагов, а из замечания Демосфена следует, что просо, как и урожай других злаков, фракийцы хранили в зерновых ямах. Афиней называет пифос с просом в числе свадебных даров, преподнесенных Ификрату по случаю его женитьбы на дочери фракийского правителя Котиса.

Значительное количество зерен культурного проса (*P. miliaceum* L.) обнаружено при раскопках Абритуса [7, р. 50–51] и, особенно, Никополя на Истре [6, р. 71–72; 8, р. 59–60, 63–64]. Кроме того, просо (без видового определения) найдено на фракийском поселении II–I вв. до н. э. у с. Невестино (бывш. Кадин Мост) в Софийской области [17, с. 186], в погребении II–III вв. н. э. у с. Гырчиново в общине Опака Разградской обл. [23, с. 59], а также в ходе археологического исследования античных городов Томи и Тропэум Траяни в Добрудже [19, р. 89, 108].

Результаты анализа растительных материалов из раскопок Абритуса и Никополя на Истре свидетельствуют о возможной культивации в окрестностях этих городов такого злака, как сорго (*Sorghum bicolor* (L.) Moench. var. *bicolor* de Wet.) [6, р. 71–73; 7, р. 50–52; 8, р. 59–61, 63].

Культивация во фракийских землях в древности овса (род *Avena*) не находит отражения в нарративных источниках, хотя его карбонизированные остатки, известные здесь еще с эпохи неолита [12, с. 30, 39, 41–42], обнаружены и на поселениях античного времени [6, р. 72; 7, р. 50; 8, р. 63; 17, с. 186; 19, р. 108]. Районы, где овес уже в первых веках н. э. становится самостоятельной культурой, в большинстве своем располагались, очевидно, севернее восточнобалканских земель, в областях с более прохладным и влажным климатом [Plin. NH, XVIII, 149; 13, с. 148–149; 24, р. 98; 25, р. 261, fig. 1, 2]. Однако следует иметь в виду, что не позднее I в. н. э. овес как важное кормовое растение начинают возделывать и в теплой Италии [Colum., II, 10, 24; 26, с.119–121]. Поэтому вопрос о времени его выхода в чистые посевы на востоке Балканского полуострова остается открытым.

До недавнего времени считалось, что рожь (*Secale cereale* L.) начинает культивироваться на Балканах только в средние века, причем и в дальнейшем, вплоть до настоящего времени, ее возделывают здесь в очень ограниченных количествах, преимущественно в горных районах. В более ранний период, по мнению палеоботаников, рожь, как и овес, являлась засорителем посевов, именно таким образом попадая в состав

зерновой смеси, обнаруживаемой при раскопках древних поселений, в частности, в восточнобалканских землях [12, с. 14–15, 41, 46]. Однако полностью исключать возможность культивации ржи в Нижней Мезии и Фракии, на наш взгляд, нельзя.

Как культурное растение рожь известна в Европе с I тыс. до н. э. [24, р. 82; 27, с. 23]. Племена, населявшие лесостепную зону Восточной Европы, выращивали ее уже в середине I тыс. до н. э. [28, с. 55–56, 62]. Убедительно подтверждается данными палеоботанического анализа карбонизированных растительных остатков культивация ржи в последних веках I тыс. до н. э. и в начале н. э. жителями античных поселений в Северном Причерноморье [13, с. 134–138; 28, с. 60, табл. 6; 29, с. 155; 30, с. 182, 184–185; 31, с. 75–76; 32, с. 76]. Рожь часто встречается на памятниках первых веков н. э. в Центральной Европе, в частности, на территории современной Польши [25, р. 261, fig. 1, 2; 33, с. 98] и рейнско-дунайских провинций Рима [20, S. 60–63, Anh. 3, Karte 13]. В эдикте Диоклетиана о ценах она упоминается в качестве одного из основных злаков [Ed. Diocl., 1, 3]. Плиний сообщает о выращивании ржи тавринами, проживавшими в северной части Апеннинского полуострова, в предгорьях Альп [Plin. NH, XVIII, 141].

Выход ржи в чистые посевы специалисты связывают с тем, что этот злак, в силу своей выносливости, зимостойкости [24, р. 85], в неблагоприятные годы вытеснял пшеницу из озимых посевов и впоследствии ему отдавалось предпочтение. Подобное вполне могло произойти и в ряде районов фракийских земель. В сочинении Клавдия Галена, написанном во второй половине II в. н. э., указывается, что рожь в это время не только произрастала на многих полях Фракии и Македонии, но и приносила урожай, из которого местные жители приготавливали хлеб [Galen. De alim. facult., I, 13]. В свете приведенных данных о достаточно широком распространении в античную эпоху культурной ржи в различных природно-климатических зонах Европы, сообщение Галена может, на наш взгляд, рассматриваться как веский довод в пользу возможного возделывания этого злака в качестве хлебного растения во фракийских землях уже в первых веках н. э. Подтверждением такого предположения является недавняя находка при раскопках римских терм Никополя на Истре большого количества зерна ржи, не содержащего примесей других злаков [6, р. 71].

Наряду со злаковыми культурами, во фракийских землях, несомненно, выращивались и различные виды бобовых. Феофраст говорит о бобах на территории города Филиппы в южной Фракии [Theophr. HP, VIII, 8, 7]. Свидетельства такого же рода имеются и относительно соседней Македонии [Theophr. HP, VIII, 9, 1; Plin. NH, XVIII, 120]. Судя по данным палеоботаники, в восточнобалканских землях на протяжении всего времени, начиная с неолита, возделывались культурные формы чечевицы (*Lens culinaris* Medik., *Lens esculenta* Moench., *Lens microsperma*

(L.) и гороха (*Pisum sativum* L., *Pisum elatius* M.B.), бобы (*Vicia faba* L.) [12, с. 29, 35, 41–42, 44, 62–63, 65–66; 13, с. 181]. Вероятно, примерно таким оставался ассортимент бобовых культур на этой территории и в первых веках н. э. [6, р. 71–74; 7, р. 50–52, 56–57; 8, р. 63–64].

Не исключено, что во фракийских землях в античное время культивировались лен (род *Linum*) и конопля (*Cannabis sativa* L.). По крайней мере, в открытой у с. Копринка около г. Казанлык гробнице IV в. до н. э. [34, с. 94] и на уже упоминавшемся фракийском поселении у с. Невестино [см.: 35, с. 15] найдены остатки льняной ткани. Об изготовлении же фракийцами ткани из конопли говорит уже Геродот [IV, 74]. Правда, из его рассказа не совсем ясно, о какой конопле идет речь — культурной или дикорастущей, однако контекст сообщения представляется примечательным. Во-первых, оно следует непосредственно за информацией о том, что в Скифской земле коноплю *сеяли*, — свидетельством принципиальной возможности ее возделывания и фракийцами. Во-вторых, Геродот особо отмечает высокое качество одежд из конопли, а это позволяет допустить, что жители фракийских земель в его времена обладали большим опытом работы с конопляным волокном, оно находило у местного населения широкое применение, и, следовательно, фракийцы могли быть заинтересованы в стабильных источниках обеспечения этим сырьем, то есть в разведении конопли. Приходится, однако, заметить, что это предположение пока практически не находит подтверждения в археологическом материале: нам известно лишь упоминание о находке на поселении I в. н. э. в Пловдивской области изготовленного из конопляного волокна фитиля светильника [3, с. 91].

Несомненно, занимались жители Нижней Мезии и Фракии и огородничеством. Однако конкретных данных о его развитии во фракийских землях очень мало. К ним можно с уверенностью отнести лишь свидетельства нарративных источников о выращивании здесь огородных культур — лука и чеснока [Xenoph. Anab., VII, 1, 37; Athen., IV, 131], а также находку сосуда с карбонизированной головкой чеснока на фракийском поселении у с. Невестино [17, с. 186].

Очень немного известно и о развитии на исследуемой территории в античную эпоху садоводства. Говоря о нем, исследователи, как правило, ограничиваются выдержкой из «Истории растений» Феофраста, [Theophr. HP, III, 3, 1–2], где речь идет о плодовых деревьях — смоковнице, орехе, кизиле, черешне, яблоне и груше, произраставших в диком виде в соседней Македонии, и ссылаются на Помпония Мелу, утверждавшего, что Фракия плодовыми деревьями бедна [Pomp. Mela, II, 2, 16–18]. Между тем, очень интересное указание на этот счет имеется у Плиния [NH, XV, 73]. Ввиду того, что оно, будучи весьма показательным, не нашло отражения в известных нам работах по земледелию в Нижней Мезии и Фракии, приводим его полностью в переводе М. Е. Сергеевко [36, с. 104]: «В некоторых провинциях, например, в Мезии, есть зимние сорта

(виной ягоды — А. М.), но создала их не природа, а искусство. Это низенькие деревца, которые поздней осенью покрывают навозом, и зима застает на них молоденькие зеленые плоды; когда потеплеет, дерево отрывают, и, выпущенные на свет, они, словно вновь родившись, жадно впитывают новые незнакомые лучи — не те, при которых они начали жить. Они поспевают вместе с появлением новых цветов на дереве — первые плоды, но не своего года и притом в очень холодной местности». Таким образом, Плиний говорит о культивации в Мезии в начале н.э. виной ягоды, или смоковницы, инжира (*Ficus carica* L.), совершенно определено, хотя палеоботаники до сих пор считают, что этот вид в столь северных районах научились возделывать лишь в относительно недавнее время [12, с. 18]. Показательно, что сообщение Плиния достаточно убедительно подтверждается результатами археологических исследований: карбонизированные плоды виной ягоды обнаружены при раскопках могильника конца I—третьей четверти II в. н. э. в местности Калвака у с. Бутово Павликенской общины Ловечской обл. [37, с. 181–182], Никополя на Истре (в слое, датированном первой половиной II в. н. э.) [6, р. 71, fig. 2; р. 59] и Абритуса [7, р. 52].

Вероятно, широко были представлены в пищевом рационе античного населения фракийских земель плоды и других деревьев [12, с. 19], однако в настоящее время говорить с уверенностью об их культивации затруднительно. Тем не менее, отметим все же особо находку на сельской вилле римского времени у с. Кралев Дол близ г. Перник сосуда с кальцинированными плодами груши [38, с. 54], а также факт присутствия среди растительных остатков, обнаруженных в Абритусе, персика обыкновенного (*Persica vulgaris* L.) [7, р. 50, 52]. В погребениях первых веков н. э. очень часто встречаются обугленные орехи, в том числе грецкие (*Juglans regia* L.) [37, с. 182; 39, с. 228–229; 40, с. 37; 41, с. 51; 42, р. 57 и др.] Свидетельства Феофраста [НР, IV, 14, 2] и Ксенофонта [Апоб., VII, I, 37] позволяют предположить, что в самых южных областях Фракии культивировалась маслина (*Olea europaea* L.).

В заключении краткого обзора свидетельств о развитии огородничества и садоводства следует упомянуть изображения на античных мозаиках, открытых в городах Стара Загора и Пловдив, огурцов, тыкв, арбузов, яблок, груш и айвы [43, с. 26; 44, с. 324]. Однако сами по себе, без подтверждения данными палеоботаники и нарративных источников, надежным доказательством культивации этих овощей и фруктов на востоке Балканского полуострова в античное время они, разумеется, служить не могут.

Нам уже приходилось специально обращаться к вопросу о роли в экономике Фракии и Нижней Мезии таких хозяйственных отраслей, как виноградарство и виноделие [45, с. 52–55], поэтому здесь ограничимся основными выводами по этой проблеме. Данные самых разнообразных источников в своей совокупности со всей очевидностью указывают на

то, что виноградарство во фракийских землях существовало на протяжении всей античной эпохи. Однако основная часть наиболее показательных свидетельств о местном виноделии относится к доримскому времени. В первых же веках н. э. в восточнобалканских провинциях, возможно, за исключением слабо изученной в археологическом отношении Приморской Фракии, в большинстве хозяйств оно играло вспомогательную роль, обеспечивая своей продукцией главным образом лишь потребности их владельцев и обслуживающего персонала.

Приведенные данные, в общем контексте свидетельств источников о развитии земледелия Фракии и Нижней Мезии, позволяют прийти к следующим выводам. В первых веках н. э. на этой территории главное место в земледелии отводилось полеводству. Именно зерно было тем основным достоянием восточнобалканских провинций, которое позволяло им поддерживать приобретенную ранее репутацию плодородных и богатых земель. Основными злаками были различные виды пшеницы и ячменя. Выращивались также просо, зернобобовые культуры. Вполне возможной представляется культивация во фракийских землях в первых веках н. э. сорго, ржи и овса, технических культур — льна и конопли. Наряду с полеводством, в Нижней Мезии и Фракии развивались и другие отрасли земледелия — огородничество, садоводство, виноградарство. Однако, вследствие природно-географической специфики региона, ассортимент культивированных там плодовых деревьев был, очевидно, относительно беден, лишь на очень ограниченной территории возделывали маслину. В большинстве сельских имений не занимались виноделием. Вероятно, вино и оливковое масло являлись в первых веках н. э. одними из основных статей импорта иноземных продуктов в восточнобалканские провинции Рима.

Литература

1. Кацаров Г. Земеделието в древна Тракия//Тракийски сборник. — 1933. — Кн. 4.
2. Велков В. Сведения на Теофраст за флората и климата на древна Тракия//Природа. — 1954. — № 4.
3. Странски И. Влияние на човека върху почвата в земите на България//Известия на Почвения институт. — 1958. — Кн. 5.
4. Данов Х. К вопросу об экономике Фракии и ее черноморского и эгейского побережий в позднеклассическую и эллинистическую эпохи//Античное общество. — М., 1967.
5. Венедиков И. Развитие на земеделието по Българските земи. — София, 1981.
6. Popova Tz. Palaeoethnobotanical and Anthracological Analysis from Roman Town Nicopolis ad Istrum and a Late Antique Hillfort by Village of Dichin (Northern Bulgaria)//Archaeologia Bulgarica. — 1999. — № 2.

7. *Popova Tz., Marinova E.* Archaeobotanical and Anthracological Analysis of the Roman and Early Byzantine Castle *Abritus* in North-Eastern Bulgaria: Some Palaeoethnobotanical and Environmental Aspects // *Archaeologia Bulgarica*. — 2000. — № 2.
8. *Popova Tz.* Palaeoethnobotanical and Anthracological Analysis from Roman Town *Nicopolis ad Istrum* and *Dichin Hillfort* (Roman Aqueduct), North Bulgaria // *The Roman and Late Roman City: The International Conference (Veliko Turnovo 26–30 July 2000)*. — Sofia, 2002.
9. *Мартемьянов А. П.* О роли земледелия в экономике фракийских земель в античную эпоху // *Вестн. Харьк. ун-та*. — 1989. — № 343.
10. *Jasny N.* The Wheats of Classical Antiquity. — Baltimore, 1944.
11. *Heichelheim F.* Sitos // *RE*. — 1935. — Suppl. 6.
12. *Лисицyna Г. Н., Филипович Л. А.* Палеоэтноботанические находки на Балканском полуострове // *Studia praehistorica*. — 1980. — Vol. 4.
13. *Янушевич З. В.* Культурные растения Юго-Запада СССР по палеоботаническим исследованиям. — Кишинев, 1976.
14. *Денел Р. В.* Проба от овъглено жито от селищната могила при град Русе // *ГМСБ*. — 1975. — Т. 1.
15. *Столетова Е. А.* Полба-эммер. *Triticum dicocsum* Schrank. // *Труды по прикладной ботанике и селекции*. — 1925. — Т. 14. — Вып. 1.
16. *Катон*, Варрон, Колумелла, Плиний о сельском хозяйстве / Под ред. М. И. Бурского. — М.; Л., 1937.
17. *Иванов Й.* Отчет за разкопките при Кадин Мост, Кюстендилско // *ИБАД*. — 1910. — Т. 1.
18. *Дремсизова-Нелчинова Ц.* Вилата край с. Мадара, Шуменски окръг // *РП*. — 1984. — Кн. 11.
19. *Suceveati A.* Viața economică în Dobrogea Romană secolele I–III e. n. — București, 1977.
20. *Lange E.* Botanische Beiträge zur mitteleuropäischen Siedlungsgeschichte. — В., 1971.
21. *Божилова Е., Иванов И.* Екологични условия в района на Варненското езеро през енеолитната и бронзовата епоха според палинологични, палеоэтноботанични и археологически данни // *ИНМ–Варна*. — 1985. — Кн. 21.
22. *Dennel R. W.* The interpretation of plant remains. Bulgaria // *Papers in Economic Prehistory* / Ed. by E. S. Higgs. — Cambridge, 1972. — Vol. 1.
23. *Кацаров Г.* Антични паметници из България // *ИБАИ*. — 1934. — Т. 8.
24. *Renfrew J.* Palaeoethnobotany: The prehistoric food plants of the Near East and Europe. — N. Y., 1973.
25. *Wasilikowa K.* Fossil evidence for ancient plants in Poland // *Plants and Ancient Man: Studies in palaeoethnobotany* / Ed. W. van Zeist and W. A. Casparie. — Rotterdam; Boston. — 1984.
26. *Кузицин В. И.* Очерки по истории земледелия Италии II в. до н. э. — I в. н. э. — М., 1966.

27. *Козак Д. Н., Пашкевич Г. О.* Про землеробство племен верхнього Подністров'я і Західного Побужжя на рубежі та в перших віках нашої ери // *Археологія*. — 1985. — Вип. 50.
28. *Шрамко Б. А., Янушевич З. В.* Культурные растения Скифии // *СА*. — 1985. — № 2.
29. *Античные государства Северного Причерноморья* / Отв. ред. Г. А. Кошеленко, И. Т. Кругликова, В. С. Долгоруков. — М., 1984.
30. *Кругликова И. Т.* Сельское хозяйство Боспора. — М., 1975.
31. *Латышева В. А.* Развитие земледелия на территории Херсонесской хоры // *Археологические памятники Юго-Восточной Европы (Железный век и эпоха средневековья)*. — Курск, 1985.
32. *Шелов Д. Б.* Танаис и Нижний Дон в первые века н. э. — М., 1972.
33. *Яжджевский К.* О значении возделывания ржи в культурах железного века в бассейнах Одры и Вислы // *Древности славян и Руси*. — М., 1988.
34. *Арnaudов Н., Петрова Н.* Изследвания върху археологични растителни материали // *ГСУ. Биол.-геол.-геогр. факултет*. — 1952/53 — 1953/54. — Т. 48. — Кн. 1.
35. *Златковская Т. Д.* Мезия в I и II веках нашей эры (К истории Нижнего Дуная в римское время). — М., 1951.
36. *Ученые земледельцы древней Италии* / Пер. М. Е. Сергеевко. — Л., 1970.
37. *Султов Б.* Глинени кадилници от Бутово и Хотница // *ИБАИ*. — 1972. — Т. 33.
38. *Найденова В.* Римската вила в с. Кралев Дол, Пернишки окръг // *РП*. — 1985. — Кн. 14.
39. *Б. Ф.* Римски находки от околността на София в Британския музей // *ИБАИ*. — 1921–1922. — Т. 1.
40. *Буюклиев Х.* Тракийски могилини погребения от околността на Стара Загора // *Археологія*. — 1973. — Кн. 4.
41. *Николов Д.* Тракийската вила при Чаталка, Старозагорско // *РП*. — 1984. — Кн. 11.
42. *Nenova R., Angelov A.* A Rich Thracian's Grave from Marcianopolis // *Archaeologia Bulgarica*. — 1999. — № 2.
43. *Плакидов Б.* Римски мозайки в България // *Изкуство*. — 1963. — Кн. 7.
44. *Николов Д.* Организация на селското стопанство в Римска Тракия // *ГСУ. Исторически факултет*. — 1984. — Т. 77. — Ч. 2.
45. *Мартемьянов А. П.* Из истории земледелия Фракии и Нижней Мезии в первых веках н. э. // *РА*. — 1995. — № 1.

Резюме

Мартем'янов О. П. *Культурні рослини фракійських земель у перших століттях н. е.*

На думку автора, головне місце в землеробстві східнобалканських провінцій Риму в перших століттях н. е. відводилося рільництву. Основними культурними злаками були різні види пшениці та ячменю.

Вирощувалися також просо, зернобобові культури. Цілком можливою уявляється культивування у фракійських землях у перших століттях н. е. сорго, жита й вівса, технічних культур — льону та конопель. Поряд з рільництвом, у Нижній Мезії та Фракії розвивалися й інші галузі землеробства — городництво, садівництво, виноградарство. Але асортимент плодівих культур був, очевидно, досить бідним, лише на дуже обмеженій території вирощували маслину, а виноробство в більшості господарств грало допоміжну роль, забезпечуючи своєю продукцією лише потреби їх власників і обслуговуючого персоналу.

Ю. П. Селевко

ЖЕНЩИНА И СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В РИМСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Важное место в жизни древнеримского общества занимали ценностные представления. В них проявлялось отношение римлян к окружающему миру и к своему месту в нем, они оказывали влияние на их поступки, определяли их способ жизни. Исследование ценностных предпочтений римского общества позволяет воссоздать представления римлян об идеальном образе римской женщины, установить роль, которая отводилась ей в жизни общества, более полно отобразить ее положение в древнем Риме.

Большинство работ, поднимавших вопрос о системе ценностей всего римского общества, касались в основном его мужской части. Так, Е. М. Штаерман в работе «Кризис античной культуры» анализирует традиционные ценности древних римлян, в основном с точки зрения мужского способа жизни, и делает вывод, что в их основе лежал долг служить всеми силами Риму на любом месте в любой роли [1, с. 48]. О том, что Рим считался высшей ценностью и каждый римский гражданин трудился на общую пользу, не отличную от индивидуальной пользы, говорится и в другой работе Е. М. Штаерман [2, с. 145]. Этой же точки зрения придерживается и С. Л. Утченко в труде «Политические учения древнего Рима». Второе место в иерархии ценностей древних римлян, по его мнению, занимала семья, и лишь на третьем месте стояла забота о собственном благе [3, с. 70]. Вопрос о системе ценностей в древнем Риме поднимается и в работе Г. С. Кнабе «Категория престижности в жизни древнего Рима». Основное внимание автор сосредоточивает на категории престижности, под которой он понимает усвоение форм поведения и овладение вещами, обеспечивающими внешнее соответствие общественному статусу, признаваемому в данном коллективе ценностным [4, с. 147]. Опираясь исключительно на примеры из жизни мужчин, автор определяет, какие ценности в древнеримском обществе считались престижными.

Некоторым отступлением от традиционного умолчания о женской половине римского общества являются работы Б. С. Ляпустина и И. Л. Маяк. В статье «Женщины в ткацком ремесле: производство и мораль» Б. С. Ляпустин ставит своей задачей рассмотреть производство, в частности, ткацкое, как фактор, влияющий на формирование моральных оценок в обществе [5, с. 36]. Рассматривая эволюцию ткачества от домашнего занятия женщин к ремесленно-товарному производству, в котором были заняты уже и мужчины, и женщины, автор указывает, что первоначально занятие ткачеством являлось одной из женских добродетелей и символизировало моральную чистоту и скромность женщины, ее верность мужу [5, с. 37–38]. И. Л. Маяк, придерживаясь мнения, высказанного Е. М. Штаерман и С. Л. Утченко, что античный человек видел неразрывное единство индивидуальных интересов и интересов полиса, делает предположение, что это было свойственно не только мужчинам, но и женщинам [6, с. 100]. Таким образом, в отечественной историографии вопрос о системе римских ценностей, об их влиянии на жизнь римских женщин рассмотрен фрагментарно и требует более детального изучения.

Цель данной работы — определить, опираясь на представления древних римлян об идеальном образе римской женщины, о ценностях, которые должны быть ей присущи, какая роль отводилась женщине в жизни римского общества, какое положение она в нем занимала. Основное внимание будет уделено рассмотрению системы ценностей в эпоху Римской республики, поскольку именно в это время ее влияние на римское общество проявлялось в наибольшей мере.

В основе древнеримской системы ценностей лежал долг — долг перед римской общиной (*civitas*), с одной стороны, и перед своей семьей (*familia*), с другой стороны. Марк Туллий Цицерон так писал о римлянах: «Но любовь наша к отечеству такова, что мы мерим ее не нашим чувством, а его собственным благополучием» [7, XXXVII, 90]. Подобное отношение к римской гражданской общине, по мнению И. Л. Маяк, было свойственно не только мужчинам, но и женщинам, что подтверждается их активной деятельностью на благо римской общины [6, с. 103]. Основными ценностями, без которых жизнь древнего римлянина в эпоху республики теряла смысл, были — *fides* — верность долгу, качество, которым характеризовались отношения между гражданами и городом, *virtus* — мужество на войне, но также и стойкое выполнение долга, *pietas* — долг перед богами, родиной и согражданами, требующий всегда отдать предпочтение их интересам, а не своим, *libertas* — самостоятельность личности и ее свобода отстаивать свои интересы в рамках законов, *honor* — заслуженное одобрение, уважение и почет [1, с. 48; 8, с. 20–21].

Опираясь на сочинения античных авторов, можно сделать вывод, что для римлянок были характерны такие добродетели, как *fides*, *pietas*,